

Сознание Цзян Юя постепенно прояснилось.

Он обнаружил, что сидит на стуле, связанный так плотно, словно его превратили в куклу. Ремни для буйных пациентов намертво стягивали руки за спиной, а к ногам была пристёгнута тяжёлая цепь с чёрным железным шаром. Даже сдвинуться на шаг было невозможно.

Перед ним стоял обеденный стол с четырьмя простыми домашними блюдами.

Самым обычным из них оказалась яичница с помидорами.

Цзян Юй смотрел на всё это бесстрастно. В пустых глазах не осталось ни капли жизни.

Цзян Юй знал: его снова поймали.

Как ни сопротивляйся — бесполезно.

— Там ещё кастрюля каши. Муж сейчас тебе нальёт, — донёсся с кухни голос Ши Цзянтина.

На нём был фартук с золотистыми медвежатами. В руках он нёс миску дымящейся каши и шагал к Цзян Юю почти весело.

Край миски был таким горячим, что мог обжечь кожу, но на пальцах Ши Цзянтина не появилось даже лёгкого покраснения.

Ши Цзянтин поставил кашу перед Цзян Юем, сел рядом, подпёр щеку ладонью и с непонятной улыбкой принялся разглядывать пленника.

Это была сладкая каша из восьми злаков с лонганом.

— Тебе надо немного поправиться.

Ши Цзянтин ледяными пальцами подцепил прядь у виска Цзян Юя, намотал её на палец, а затем мягко провёл по щеке. Голос звучал нежно, словно ничего не произошло.

— Ты слишком худой. Сегодня хорошо поешь, ладно?

Он зачерпнул ложку каши и поднёс к губам Цзян Юя.

Теперь тот даже есть самостоятельно не мог — Ши Цзянтину приходилось его кормить.

Но Цзян Юй лишь холодно покосился на него и с отвращением отвернулся, не желая открывать рот.

— А-Юй не голоден? — всё так же ласково спросил Ши Цзянтин, будто уговаривал капризного ребёнка.

— Пошёл ты.

Глаза Ши Цзянтина слегка сузились. Улыбка стала ещё заметнее.

Ши Цзянтин был поразительно красив: без улыбки казался холодным до жути, а стоило губам изогнуться — и его можно было принять за доброго, мягкого человека.

В следующую секунду Ши Цзянтин схватил Цзян Юя за затылок, запрокинул ему голову и

силой влил в рот обжигающую кашу.

— Пей. Как можно не пить? Еду нельзя переводить.

— М-м-м!!

Горячая каша обожгла рот, горло и пищевод. Боль была такой, что в уголках глаз Цзян Юя мгновенно выступили слёзы.

Влив половину миски, Ши Цзянтин наконец будто бы вспомнил о совести и убрал её. Между краем посуды и губами Цзян Юя на миг протянулась тонкая блестящая ниточка.

— Вкусно? — мягко спросил он, словно минуту назад не совершал ничего жестокого.

Цзян Юй подавил кашель и выдавил из горла полный ненависти рык:

— Да сдохни ты уже!!

Ши Цзянтин внезапно замер.

Затем губы медленно растянулись в всё более широкой, почти нечеловеческой улыбке. Зрачки окончательно затопила чернота, и красивое лицо стало пугающе зловещим.

Он тихо сказал:

— Но, А-Юй... ты ведь уже убил меня.

Веко Цзян Юя едва заметно дёрнулось. Он промолчал.

Ши Цзянтин поднял пять пальцев, задумался, запрокинул голову, что-то посчитал и добавил ещё два. Потом с почти детской гордостью потряс перед Цзян Юем раскрытыми ладонями.

— Смотри. Ты убил меня уже семь раз! Ну как, приятно меня убивать? Настроение хоть улучшилось?

И, словно только и ждал повода поговорить, начал с энтузиазмом перечислять:

— В первый раз ты всадил нож мне в сердце. Во второй перерезал артерию. В третий отрубил руки и ноги. В четвёртый...

Говорил он спокойно, будто рассказывал чужую историю, но каждое слово было пропитано кровью.

— А-Юй такой способный! Каждый раз убиваешь меня всё профессиональнее!

Ши Цзянтин становился всё веселее, словно каждое убийство было для него наградой.

Взгляд Цзян Юя холодел.

Безумец.

Совершенно конченный безумец.

Ши Цзянтин вдруг обнял его за талию и ласково потёрся головой о плечо. Улыбка постепенно исчезла, голос стал тише.

— Но всё это даже близко не сравнится с тем ударом, который ты нанёс мне в детстве... Тогда было больнее.

Между ними повисла странная тишина.

В детстве...

Цзян Юй плотно сжал губы. Зрачки слегка дрогнули, и он больше не решался смотреть Ши Цзянтину в глаза.

Ему было совестно.

Если бы не тот поступок в детстве, их отношения никогда не стали бы такими.

— А-Юй, как думаешь, сколько жизней у меня ещё осталось для тебя? — голос Ши Цзянтина звучал невесомо и оттого ещё страшнее.

Цзян Юй медленно поднял голову и долго смотрел в его бездонно-чёрные глаза.

— Надеюсь, в следующий раз... твоя душа развеется окончательно.

— ...

Ши Цзянтин безрадостно улыбнулся и потрепал его по волосам.

— Ну почему ты вечно говоришь то, что мне не нравится?

Цзян Юй напрягся и инстинктивно откинулся назад, но Ши Цзянтин схватил его за волосы и заставил поднять голову.

В следующую секунду Ши Цзянтин жёстко впился в губы Цзян Юя.

Цзян Юй отчаянно сопротивлялся, но Ши Цзянтин держал его слишком крепко.

В этом поцелуе не было ни капли нежности. Он был властным, грубым, захватывающим, не оставляющим пространства для сопротивления. Силы Цзян Юя постепенно иссякали, тело становилось мягким и безвольным.

Обожжённые кашей губы под ледяным прикосновением Ши Цзянтина неожиданно почувствовали облегчение. Даже боль притупилась.

И именно это напугало Цзян Юя сильнее всего.

В голове зазвенела тревога. Если он и правда перестанет сопротивляться, дороги назад уже не останется.

Дыхание становилось всё более рваным.

Человеческому телу нужен воздух.

Ши Цзянтину — нет.

Он не останавливался, пока Цзян Юй почти не потерял сознание от нехватки кислорода и окончательно не обмяк.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Ши Цзянтин наконец отпустил его.

Он подхватил потерявшего сознание Цзян Юя, чуть приподнял бровь, мягко провёл пальцем по губам пленника и удовлетворённо улыбнулся.

Полночь.

Кровать качалась.

...

Спящая красавица никак не могла проснуться.

Просыпался — снова засыпал.

Засыпал — снова просыпался.

И этому не было конца.

<http://bllate.org/book/19625/1935177>